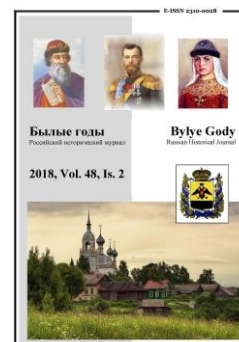

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 804-816. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.804
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University

Sergey F. Fominykh ^{a, *}, Aleksey O. Stepnov ^a

^a National Research Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

In the article on the materials of official correspondence, periodicals, sources of personal origin the conflict that arose in 1902–1903 at the Imperial Tomsk University in connection with the activities of Professor M.A. Reisner is examined. The conceptual basis of the article is built around the specifics of academic scandals in the provincial environment.

It is emphasized that the basic prerequisite for the emergence of a conflict situation was the ideological transformation of M.A. Reisner, in the future one of the authors of the first Soviet Constitution of 1918. Memories of students and colleagues of the Professor, archival documents, direct speech by Reisner shed light on the trajectory of this transformation.

Two scandalous lectures, read by the Reisner in the fall of 1902 and published in the local newspaper, were the beginning of the conflict. Its development has been organized by the corporate proceedings, headed by the rector A.I. Sudakov. There was a newspaper controversy between M.A. Reisner and law student S. Chadov, accused of lying in connection with the publication in the local newspaper of a report on the Professor's lecture dedicated to the memory of Professor P.S. Klimentov. The controversial position of Reisner himself, who did not want to go into direct confrontation with the University administration and officials, led to a number of reprimands and, ultimately, the proposal to file a petition for dismissal.

It is concluded that the conflict under study clarifies the issue of the provincial aspect of academic scandals. Development of the conflicts in the context of the "big village" does not result in their sealing within the University discourse, but, on the contrary, expands the latter to a broad communitarian scale. Therefore, everyone becomes a participant of the academic conflict in the province: students and professors, officials and local townspeople.

Keywords: Tomsk, university, conflict, M.A. Reisner, a province.

1. Введение

9 марта 1903 г. исправляющий должность профессора по кафедре государственного права Императорского Томского университета Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928), не испросив дозволения у своего начальства и даже не получив в университете свой паспорт и прочие личные документы, покинул город, отправившись в Санкт-Петербург. В столице профессор остановился в доме по ул. Большой Конюшенной. Здесь, по всей видимости, он немало времени провел в раздумьях, осознав всю сложность сложившегося для него положения.

За этот неожиданный и экстравагантный шаг, все еще оставаясь профессором, он получил очередной, третий по счету, выговор от управляющего Министерством народного просвещения С.М. Лукьянова. Ранее в связи с разгоревшимся в стенах старейшего сибирского вуза осенью–зимой 1902–1903 гг. конфликтом, в котором М.А. Рейснер оказался главным действующим лицом, вскрылись новые факты. 21 февраля того же года С.М. Лукьянов, сославшись на то, что «профессор

* Corresponding author

E-mail addresses: sergei.fominykh1940@mail.ru (S.F. Fominykh),
ASAOM@yandex.ru (A.O. Stepnov)

Рейснер окончательно не оправдал доверия, оказанного ему Правительством при назначении на кафедру», ультимативно предложил ему подать «прошение об увольнении от занимаемой им ныне должности». «В случае же неисполнения им сего предложения, – добавил управляющий в письме ректору Императорского Томского университета А.И. Судакову, – в течение трех дней он будет уволен без прошения» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 66). 6 марта это предложение дошло до сведения Рейснера, запустив отсчет его последних дней в Томском университете.

Экстраординарным профессором по кафедре политической экономии на юридическом факультете этого вуза М.А. Рейснер был избран еще 1 сентября 1898 г., в год открытия факультета. К тому времени за плечами молодого ученого была учеба в Императорском Варшавском университете, где его учителем стал социолог-позитивист, правовед А.Л. Блок (отец поэта). Он окончил его в 1892 г. с правом на степень кандидата. Затем последовали преподавание в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства, защита диссертации на степень магистра права в Киевском университете на кафедре, возглавляемой тогда Е.Н. Трубецким, поездка в Гейдельберг для изучения проблемы отношений государства и церкви.

В Томск М.А. Рейснер приехал с женой Екатериной Александровной (в девичестве Хитрово) и трехлетней дочерью Ларисой, будущей известной революционеркой и писательницей. В этом сибирском городе у супругов родился сын Игорь, в дальнейшем ученый-востоковед, один из основоположников советской индологии и афганистики (Фоминых, 1996: 205).

Конфликт, возникший в связи с двумя лекциями, прочитанными М.А. Рейснером осенью 1902 г., стал результатом становления и в некотором роде излома его мировоззрения, в частности и научного, и со всем тем отправной точкой для дальнейшего его развития как ученого и гражданина. Подобные казусы развивались автономно от академической жизни, что со стороны отдельных представителей университетского сообщества служило веским аргументом в пользу их неприемлемости. В то же время порой бывает трудно понять, где кончается жизненный мир человека, избравшего путь ученого, и начинается его «герметичное» бытие в научном сообществе. Да и применимо ли вообще понятие «герметичность» по отношению к научной деятельности? Проблема конфликтов как внешне научных (экстерналистских) факторов академического бытия, таким образом, выходит в центр данного исследования. Углубляется она и провинциальным антуражем, который окружает изучаемый предмет.

В рамках предложенной тематики перед нами встает ряд вопросов, таких, как роль и место конфликтов в жизни научного сообщества, их классификация и соотношение их отдельных видов с официальным дискурсом этих сообществ, неявные истоки академических противостояний. Все эти проблемы, вне всякого сомнения, требуют разрешения и нового тематического наполнения, что во многих отношениях и определяет исследовательский интерес к истории конфликтов в высшей школе дореволюционной России. Отметим и то, что актуальность статьи определяется по сей день сохраняющимся интересом к фигуре и научному наследию главного героя нашего исследования – известного юриста, одного из авторов первой советской конституции – «Конституции РСФСР» (1918).

2. Материалы и методы

2.1. В статье вехи обозначенного выше конфликта реконструируются на материалах архивной официально-деловой документации, в том числе служебной переписки, периодической печати и источников личного происхождения. Омский историк А.В. Свешников в статье, посвященной проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в., писал о дефицитности источников, освещающих конфликты в среде ученых. По его словам, ни в отчетах, ни в обзорах, ни даже в протоколах заседаний советов факультетов, где нередко и «разворачивались бурные конфликты», трудно найти даже упоминание о них. Им фиксируется тенденция замалчивания информации о конфликтах и в мемуарах, где они подчас рассматриваются «как забавное или досадное недоразумение». «Реконструировать и интерпретировать конфликт приходится буквально по отдельным фразам и высказываниям», – резюмирует А.В. Свешников (Свешников, 2005: 236-238).

Здесь необходимо отметить, что история Императорского Томского университета в некоторой степени опровергает данные выводы. И связано это, следует полагать, с особенностями провинциального бытия, а также с попыткой сообщества и отдельных его представителей вывести конфликт в зону публичности, заручившись свидетелями в образе почтенной широкой публики. Так случилось, например, в 1911 г., когда конфликт между профессорами юридического факультета Н.Я. Новомбергским и П.М. Богаевским получил освещение на страницах местных газет. Быть может, сказывалось здесь и пристрастие юристов превращать любое внутриуниверситетское, в т.ч. личностное, противостояние в подобие открытого судебного процесса.

Так или иначе, в достаточно широкой детализации воссоздать истоки и течение конфликта 1902–1903 гг. вокруг профессора Рейснера нам позволяют материалы местной и столичной прессы. Это тексты и обзоры лекций профессора, напечатанные в томской газете «Сибирская жизнь», а также в петербургской юридической газете «Право» за 1902 г., публичная переписка его с другим участником конфликта – студентом юридического факультета С.Д. Чадовым, публиковавшаяся в той же «Сибирской жизни» и в «Сибирском вестнике», публицистические заметки о конфликте М.И. Боголепова и т.д.

В Государственном архиве Томской области хранится служебная переписка ректора Томского университета А.И. Судакова, исполняющего обязанности ректора М.Ф. Попова, попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева и уже упомянутого управляющего Министерством народного просвещения С.М. Лукьянова, письма и обращения, а также ходатайства, отчеты, предложения, заключения совета юридического факультета, касающиеся участников конфликта. В журналах заседаний совета Императорского Томского университета опубликован протокол дисциплинарного суда над студентами в связи с их участием в разворачивавшихся событиях. Отдельные документы (конспекты лекций, ставших предметом конфликта, письма) отложились в личных делах профессора Рейснера и студента Чадова.

Личностным качествам, а также отдельным эпизодам томского периода жизни и творчества профессора М.А. Рейснера посвящены опубликованные воспоминания профессора И.А. Малиновского, бывших студентов К.М. Гречищева и А.Н. Морачевского (псевдоним – Н. Зарницын). Без этих мемуаров картина рассматриваемого конфликта, пожалуй, была бы неполной.

2.2. Концептуальной платформой статьи является экстерналистский подход к истории науки и образования. Одной из краеугольных форм концептуализации работы служит понятие «научное сообщество», в рамках которого подобные конфликты делаются возможными. Именно сообщество определило его абрис, что в свою очередь актуализирует принцип историзма (ведь известно, что сообщество не существует вне эксплицируемого исторического контекста) и влияет на используемые исследовательские технологии. Кроме классических методов исторического исследования, таких, как анализ и синтез, сравнительно-исторический метод и типологизация, важное место в исследовании отведено просопографии. Последний инструментарий, кроме всего прочего, помогает нам увидеть в лицах, причастных к конфликту, не столько совокупность статистов, сколько биографический материал для группового портрета русского дореволюционного профессора – портрета достаточно многопланового и не лишённого противоречий.

3. Обсуждения

История конфликтов в дореволюционной высшей школе России относительно недавно выделилась в специальное направление исследований в области истории науки, техники и образования. Упомянутый уже А.В. Свешников в ряде своих статей на примере сообщества русских историков Московского и Санкт-Петербургского университетов рассматривает конфликты как специфическое явление университетской культуры. Автор в своих работах систематизировал социологические подходы к конфликтам в научных сообществах (Кун, Бурдье, Козер), сделал ряд выводов о значении фигуры инициаторов конфликта, роли слухов и сплетен в их развитии, их закулисной природе (Свешников, 2005). Сквозь призму принципа «плотного описания» К. Гирца Свешников исследует конфликт И.М. Гревса и его ученика Л.П. Карсавина, уделяя внимание его социально-психологическим истокам (Свешников, 2009). Вместе с тем необходимо отметить, что спорным представляется неоднократно повторяемый автором вывод о том, что «конфликты и скандалы в среде интеллектуалов традиционно вытеснялись из поля рефлексии научного сообщества» (Свешников, 2009).

В статье «О причинах научных конфликтов» на материале научных сообществ математиков сделана попытка классификации конфликтов в научном мире, выделяя концептуальные, статусные, личностные конфликты. При этом со ссылкой на исследования Р. Коллинза в той же статье отмечается, что нередко научные конфликты могут быть редуцированы до борьбы за статусы, наживу, вознаграждение (Баранец и др., 2012: 117).

Различные аспекты междисциплинарной конфликтологии научных сообществ (эпистемические и доктринальные конфликты, идеологические факторы в их решении, проблемы классификации и т.д.) с историческими отсылками, в т.ч. к материалам дореволюционной высшей школы России, нашли освещение в коллективной монографии «Конфликты в науке и философии» (Конфликты, 2013). В ряде работ исследованы особенности конфликтов в русских дореволюционных университетах в связи с Университетским уставом 1863 г., в частности роль попечителей и ректоров в их предотвращении, культурные предпосылки возникновения конфликтных ситуаций (Антощенко, 2012; Новиков, 2013). Вопросу взаимоотношений одного из героев данной статьи – попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева и коллектива Томского университета – посвящена статья И.В. Черказьяновой (Черказьянова, 2005).

Проблема конфликтов на фоне трудностей во взаимоотношениях профессорской корпорации и власти в связи с кадровой политикой министра народного просвещения Л.А. Кассо на примере Петербургского университета в период ректорства Э.Д. Гримма рассмотрена О.М. Беляевой (Беляева, 2011). Отдельные конфликтные ситуации в сообществе Петербургского университета второй половины XIX – начала XX вв. нашли отражение в монографии Е.А. Ростовцева (Ростовцев, 2017).

Своеобразная активизация конфликтного поля в сообществе Томского университета наблюдалась в период революционных событий 1917 г., что особенно рельефно проявилось в конфликте профессоров юридического факультета (Степнов и др., 2018).

Необходимо отметить, что конфликт в Императорском Томском университете вокруг фигуры профессора Рейснера нашел краткое освещение в диссертации О.А. Скибиной «Государственно-правовые взгляды М.А. Рейснера» на соискание ученой степени кандидата юридических наук (Скибина 2015: 44-49).

Подчеркнем, что достаточно обширная историография по конфликтной тематике в дореволюционной высшей школе предлагает нам как идиографическое, так и концептуальное разнообразие. Со всем тем некоторые аспекты, связанные с региональным преломлением университетских конфликтов, влиянием духа провинции на их развитие, а также скрытыми механизмами конфликтных ситуаций, актуализируют историко-тематическое расширение проблемы и ее концептуальное углубление.

4. Результаты

26 сентября 1902 г., на неделю задержавшись в Варшаве в связи с возникшей у него инфлюэнцей, из заграничной поездки в Томск вернулся профессор М.А. Рейснер. Немногим более года, с мая 1901 г., он провел в европейских странах «с научной целью». Считается, что своеобразная строптивость Рейснера мотивировала решение о его командировке со стороны начальства, желавшего «избавиться от беспокойного профессора и ослабить его влияние на студенчество» (Фоминых, 1996: 205).

Профессор М.А. Рейснер, действительно, еще до отъезда своего успел заслужить репутацию местного инсургента. В атмосфере «дремучего» провинциализма и заметной консервативности томской профессуры он выделялся своей временами эпатажной протестностью. Так, в феврале 1901 г. после покушения на министра народного просвещения Н.П. Боголепова единственным из всех профессоров Рейснер отказался подписать составленную в связи со случившимся «приветственную» телеграмму (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 33 об.-34). Более того, вслед за последовавшей кончиной министра Михаил Андреевич, как вспоминал К.М. Гречищев, на одном из благотворительных вечеров «призвал готовиться к грядущей большой общественной работе», произнес при этом такие слова: «Господа студенты, атмосфера сгущается, стало погромыхивать...» (Гречищев, 2014: 406). Годом ранее, в 1900-м, М.А. Рейснер в течение нескольких лекций обсуждал со студентами «чрезвычайно несимпатичные» для них «Временные правила», введенные в связи со студенческими забастовками 1899 г. (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 33 об.).

А.Н. Морачевский (Н. Зарницын), один из первых студентов юридического факультета, вспоминал М.А. Рейснера как «мощного оратора и прекрасного теоретика», на лекции которого собиралась «половина университета». «Он вышел из аудитории, – писал Зарницын, – а мы еще долго оставались под гипнозом его слов и делились друг с другом впечатлениями» (Зарницын, 2014: 423).

Среди студентов, таким образом, профессор пользовался чрезвычайной популярностью. По воспоминаниям И.А. Малиновского, в те времена большой торжественностью отличались студенческие вечера, сопровождавшиеся концертами и благотворительной торговлей. После концерта в специально отведенное помещение в главном корпусе университета «студенческая депутация приглашала популярных профессоров». Здесь, пишет Малиновский, «пиво лилось рекой», и «профессорам давали бокал пива в руки, просили стать на табуретку, чтобы всем было видно, и сказать несколько слов» (Малиновский, 2014: 332-333). Профессор Рейснер был желанным гостем на таком мероприятии, как и на благотворительных вечерах, устраиваемых в общественном собрании, в Обществе попечения о начальном образовании, Обществе вспомоществования учащимся, где он «всегда окружался студенчеством, становился душой его и говорил зажигательные речи» (Гречищев, 2014: 406).

Возвращение любимца университетской молодежи закономерно вызвало ажиотаж в городе: его первая по приезду лекция по государственному праву, назначенная на 7 октября 1902 г., была неоднократно анонсирована в местной прессе. В одном из таких анонсов отмечалось: «Интересующихся этой лекцией много» (Местная хроника, 1902). По академической традиции предполагалось, что лектор поделится на ней своими впечатлениями о заграничной поездке. Сделали свое дело и привычные для провинции слухи и принцип «сарафанного» радио: 7 октября 5 аудитория, назначенная по расписанию для лекции Рейснера (изначально для студентов-юристов 2 и 3 курсов), не вместила всех собравшихся, из-за чего студенты тотчас перешли в 1-ую, самую просторную в университете, аудиторию. Как отмечал позднее инспектор студентов В.П. Григоровский, «обширная аудитория была переполнена слушателями; не оставалось свободного места даже в коридорах у окон и дверей этой аудитории» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 14 об.).

Из-за того, что студенты массово собрались на лекцию по государственному праву, в тот день не состоялись лекции профессоров В.А. Уляницкого (международное право), В.М. Мыша (хирургическая патология), протоирея Д.Н. Беликова (богословие), а лекции профессоров Е.В. Вернера (органическая химия), С.М. Тимашева (детские болезни), Е.С. Образцова (кожные и венерологические болезни) «прошли при незначительном числе слушателей».

Желание послушать профессора в тот день изъявили не только университетские студенты-медики, но и 22 учащихся Томского технологического института, а также член окружного суда Д.Г. Безсонов, служащий железной дороги С.П. Горшанов, присяжный поверенный Р.Л. Вейсман, председатель окружного суда А.В. Витте. Однако всем вышеперечисленным, несмотря на личные

просьбы Рейснера, «как лицам посторонним» в доступе на лекцию было отказано (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 13-13 об.).

Впрочем, всех тех, кто хотел, но так и не попал на лекцию, ждало утешение: вскоре ее текст был напечатан на страницах «Сибирской жизни». И для своего времени текст этот был в известной мере шокирующим. «Почему же западная родина так резко отличается от русского отечества и притом далеко не в пользу этого последнего?» – вопрошал со страниц газеты профессор Рейснер. «Если мы не менее немцев и французов, – продолжал он, – способны в культуре и так умеем понимать и ценить ее, то где причина нашего неустройства и бедности, слабости развития наших культурных задатков? С государственной точки зрения основной причиной такого явления должно быть признано различное положение общества и государства». Далее следовала впечатляющая картина современной «новой» Европы, где находит «особую почву для своего развития область личной деятельности», где развивается местное самоуправление и общественная самодеятельность, где «государство по существу есть само общество». «Совершенно понятно, – резюмировал профессор, – что там, где администрация действует вне союза с обществом и вне его контроля, она ради самих благих целей склонна расширять по возможности рамки своей деятельности и суживать рамки права» (Рейснер, 1902а).

Не нужно большой проницательности, чтобы понять, какую реакцию со стороны руководства университета могли вызвать и события, сопровождавшие первую лекцию, и сам ее текст, напечатанный в газете и, хотя и опосредованно, критиковавший самодержавие. О произошедшем вскоре стало известно товарищу министра народного просвещения С.М. Лукьянову, который в своем отношении от 28 октября того же года «покорнейше просил» ректора университета «произвести безотлагательное расследование о том, признает ли Рейснер текст его лекции, напечатанной в газетах, соответствующим им сказанному».

Однако в ответ на запрос ректора 22 ноября М.А. Рейснер сообщил, что «означенной репортерской заметки» он «относительно текстом своей лекции признать» не может и не имеет «для такого признания никаких оснований». «Не могу вместе с тем не выразить моего крайнего удивления, – отмечал далее профессор, – что научные лекции в университете, будучи предметом моей должностной деятельности, становятся предметом репортерских отчетов в местной прессе, которые в свою очередь по общему правилу являются полным искажением истины» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 21).

Выходит, сенсация была раздута на ровном месте и стала результатом не то слухов, не то недобросовестности редактора «Сибирской жизни» П.И. Макушина? Но именно слухи и молва о том, «что репортерский отчет был, по-видимому, подвергнут предварительной редакции самого Рейснера», не позволили А.И. Судакову остановить свое расследование на личном заверении профессора. Он запросил у Рейснера конспект его «действительной» лекции. И здесь, пожалуй, хотелось бы кратко уделить внимание фигуре Его Превосходительства профессора А.И. Судакова, занимавшего должность ректора Императорского Томского университета с сентября 1895 по сентябрь 1903 г.

Хозяин университета, как вспоминали студенты тех лет, то и дело мелькал по коридорам главного корпуса в образе «приземистого человека в форменном учительском сюртуке», имел привычку разговаривать с самим собой и был предметом анекдотов (Зарницын, 2014: 422-423), в частности за свои «провалы в памяти относительно имен и дат» (Гречищев, 2014: 403). Вместе с тем это был жесткий, принципиальный и весьма консервативный человек, что отчетливо проявлялось во время студенческих забастовок. Так, после забастовки 1896 г., организованной в связи с оскорбительным для студентов поведением упомянутого уже профессора Е.В. Вернера, вслед за тем, как ректору удалось убедить учащихся вернуться к занятиям, не опасаясь последствий (аргумент из уст ректора: «Разве я не отец родной вам?» – стал тогда для бастующих решающим), тот же А.И. Судаков добился того, чтобы одни студенты были лишены освобождения от оплаты за учебу, а другие – стипендии. Когда же делегация студентов явилась к нему домой напомнить об обещанном, то, по словам того же Гречищева, «отец родной» тяжело вздохнул и, сказав, что ему пора идти на лекцию, повернулся и ушел» (Гречищев, 2014: 382-385). После студенческой забастовки 1899 г. А.И. Судаков добился исключения из университета 36, а затем еще 30 студентов – участников событий (Фоминих, 1996: 247).

К тому времени как Судаков получил письмо от Рейснера, появился новый повод для разбирательства. И связан он был с очередной лекцией того же М.А. Рейснера, прочитанной 18 ноября. На следующий после нее день в «Сибирской жизни» о лекции появился краткий отчет Сергея Чадова. Последний являлся бывшим студентом историко-филологического факультета Московского университета, откуда в марте 1899 г. он был исключен «за участие в беспорядках». Успел он поучиться и на медицинском факультете того же вуза (ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 2787. Л. 5), вскоре после чего, в 1902 г., был зачислен студентом 1-го курса на юридический факультет Томского университета. Учебу он совмещал с работой репортера в упомянутой газете. Представленная им в отчете лекция была посвящена памяти профессора П.С. Климентова, безвременно почившего 11 ноября 1902 г. на 29-м году жизни. В указанной, достаточно беспристрастной, заметке студента подчеркивалось, что «судьба, оказывается, не была милостива к П.С. Климентову». Как следовало со слов профессора Рейснера, переданных Чадовым, Климентову пришлось пройти через «тяжелую

жизнь необеспеченного студента», бегая по грошовым урокам и делая переводы «даже медицинских книг»; через ошибки администрации Московского университета, выдавшей ему по окончании юридического факультета диплом по II разряду вместо положенного I; через несправедливое отношение во время магистерского экзамена в том же университете, где он сдавался «всегда более или менее формально или упрощенным способом» и где заранее сообщалось, из какой области наук будут вопросы, а Климентову же из-за «неблагоприятствующего ему профессора» пришлось сдавать его по всем областям (Чадов, 1902). И очевидна во всем пересказанном боль русского интеллигента, теряющего своего товарища, в том числе из-за того, что течение жизни в стране подчиняется не закону, а «административному усмотрению».

Все же негодование администрации от сказанного и в этой ситуации вышло на первый план. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев просил ректора «предложить юридическому факультету обсудить, насколько соответствуют действительности сообщенные профессором Рейснером на лекции сведения о том, что в Московском университете по установившемуся обычаю магистерский экзамен сдается более или менее формально». Что любопытно, совет факультета отказался обсуждать лекции профессора, содержание которых известно по газетным публикациям и которые «не могут иметь никакой документальной силы». Декан И.А. Базанов в своем ответе ректору также отметил, что и имеющие общий характер вступления в курс, и посвященные памяти скончавшегося товарища лекции «допустимы и ходу преподавания не препятствуют» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 19, 30). Комментариев относительно процедуры магистерского экзамена в Московском университете предоставлено не было.

Аргумент об отсутствии «документальной силы» заслуживает внимания, поскольку М.А. Рейснер в письме в редакцию, опубликованном уже в следующем после отчета Чадова номере «Сибирской жизни», заявил: «Означенный отчет не имеет ничего общего с тем, что мною было действительно сказано» (Рейснер, 1902b). В том же номере его поддержали своим письмом и студенты 2 и 3-го курсов, обратив внимание на ряд неточностей в заметке Чадова.

Среди студентов тем временем, как выразился попечитель Лаврентьев, появилась «наклонность к брожению». Все чаще после лекций стали устраиваться совещания. На одном из них и было составлено вышеуказанное заявление в связи с заметкой Чадова.

С 27 ноября Рейснер из-за болезни на время прекратил чтение своих лекций. Вслед за этим, как отмечал сам Чадов, была пущена сплетня, что «студент написал донос на профессора в своем газетном отчете о его лекции». Намек на политическую подоплеку заметок репортера Чадова был дан на страницах газеты «Сибирский вестник», сотрудником которой до определенного времени был сам Рейснер, который 5 января 1903 г. официальным письмом известил главного редактора, что отныне «никакого отношения к этой газете не имеет» (Рейснер, 1903a).

Как следует со слов Чадова, во время личной встречи с ним профессор не признал в его отчете «никакого доноса» и в целом одобрил отчеты о лекциях в местных газетах, видя в них «средство культурного воздействия на темную сибирскую среду» (Чадов, 1903a). Однако требование публично «нравственно реабилитировать честь» Чадова профессор отверг. Отметим, что позднее два свидетеля этой беседы, которых в подтверждение своих слов привел Чадов, опровергли его версию разговора с профессором, что, впрочем, самим Чадовым тут же было объявлено ложью (Чадов, 1903b). Известно, что во время конфликтов трудно бывает определить, где правда, а где ложь.

Вскоре развернулась газетная полемика, которая по своим качествам имеет мало аналогов в других университетских городах России и мира тех лет – между студентом и профессором из-за вопросов этики. Рейснер обнародовал на страницах «Сибирского вестника» письмо «шантажного характера» редактора П. Макушина, в котором тот якобы в ультимативной форме потребовал у профессора за своей подписью опубликовать в следующем номере «Сибирской жизни» покаянное письмо, написанное собственно Чадовым. Между прочим Михаил Андреевич посоветовал и на то, что Макушин «не постыдился» обнародовать оскорбительные для чести и достоинства письма Чадова (Рейснер, 1903b). В ответ на это Макушин в номере газеты от 10 января позволил себе опубликовать очередное письмо Чадова. В нем студент, явно заявляя о двуличности М.А. Рейснера, посоветовал «на странное, если не сказать большего», поведение профессора, на необоснованность обвинений себя во лжи (официальных опровержений, действительно, не последовало), на нарушение нравственных и литературно-этических норм, а затем потребовал третейского суда, который так, впрочем, и не состоялся. «Я считаю, – писал Чадов, – грубо противоречащим примитивным требованиям литературной этики и вообще морали то, что г. Рейснер не постеснялся опубликовать моей полной фамилии, тогда как всюду: и в отчете, и в предназначавшемся к печати письме – стояли только мои инициалы». Последнее обстоятельство вызвало саркастическую усмешку у М.И. Боголепова – студента, постоянного сотрудника «Сибирского вестника» и будущего профессора Томского университета. «Чадов, – писал он в своей публицистической заметке, – поддерживаемый Макушиным Петром, потребовал от профессора Рейснера как сотрудника “Сибирского вестника”, реабилитации его “честного литературного имени”. Что это за имя? Это две буквы из русского алфавита: С. и Ч.». И далее: «Жаль, очень жаль, что в нашей общественной жизни двубуквенные сотрудники “политических” органов могут очень развязно чадить, чудить и вопить о реабилитации своих букв из алфавита» (Боголепов, 1903). Подчеркнем, что и со стороны попечителя вызвал

нарекания тот факт, что студент Чадов «позволил себе трактовать деятельность профессора Рейснера в резких выражениях и без должного со стороны студента к профессору уважения» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 11. Л. 1). С критикой студента Чадова на страницах «Сибирского вестника» на протяжении конфликта выступали и анонимные «читатели» (см.: *Логика, 1903*).

П. Макушин, который еще в начале декабря 1902 г. отказался предоставить ректору А.И. Судакову оригинальный текст заметки с первой лекцией М.А. Рейснера, подчеркнув, «что во всех подобных случаях, по литературным обычаям, редакции сведений не дают» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 37). В начале 1903 г., оказавшись в курьезной ситуации (Рейснер объявил о лживости текста своей лекции из «Сибирской жизни», а затем отказался принести официальные извинения перед Чадовым за обвинения во лжи), обратился к Судакову с вопросом: «Действительно ли профессор Рейснер в официальном письме на мое имя заявил, что помещенный в № 220 газеты «Сибирская жизнь» отчет представляет искажение его вступительной лекции?» По всей видимости, удивлению Макушина не было предела, когда Судаков показал ему вышеупомянутое письмо Рейснера. На следующий день, 12 января, профессор А.И. Судаков, посетив Макушина, вопреки литературным обычаям, имел честь ознакомиться с рукописью первой лекции Рейснера. «Я был поистине изумлен увиденным, – подчеркивал он в письме С.М. Лукьянову, – рукописный отчет, сличенный мною с напечатанным в № 220 газеты, оказался дословно написанным самим профессором Рейснером, причем все поправки в отчете сделаны были также его рукою, только последняя прибавка к отчету (две строчки) об аплодисментах после лекции были написаны красными чернилами другою рукою» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 41-41 об.).

К тому времени Судаков уже получил запрашиваемый у Рейснера конспект его якобы «реальной» первой лекции и теперь имел возможность сравнить их. «Из сопоставления содержания этих писем профессора Рейснера, – отмечал Судаков в том же ответе Лукьянову, – с отчета о своей воспитательной лекции, Ваше Превосходительство, извольте убедиться, какая беззастенчивость в искажении истины и, можно сказать, издевательство были допущены г. профессором Рейснером в официальной переписке со своим начальством» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 41 об.). Отправленный конспект Рейснера, имея в основе тот же предмет, действительно, был несравненно более сдержан по тону в сравнении с газетным вариантом.

Трудно не обратить внимание на то, что Судаков в своей служебной переписке называл «неправдивостью и особого рода изворотливостью» М.А. Рейснера. Что подвигло профессора на выбор подобной модели поведения? Двуличие? Безумие? В рамках нашего исследования это принципиальный вопрос. Для ответа на него вспомним о том, что еще в период подготовки к экзаменам на магистерскую степень Рейснер разделял идеи славянофильства (*Фоминных, 1996: 205*). К.М. Гречищев вспоминал, что в начальный период работы в Томском университете Михаил Андреевич, уже тогда «отличавшийся своим красноречием», строил лекции на базе своих работ по вопросам «религиозного исповедования, праве морали и религии». Тот Рейснер «производил на студентов «странное впечатление» и, ко всему прочему, «расшаркивался перед попечителем и профессором богословия», что наводило на него флер «махрового монархиста», «заинтересованного в том, чтобы скорее уйти от скромного звания – исправляющего должность экстраординарного профессора» (*Гречищев, 2014: 405-406*).

То же подтверждают и официальные справки о профессоре. В них отмечается, что в то время Рейснер показал себя «сторонником порядка и законности и профессором, мало интересующимся студенческими симпатиями». Во время студенческих беспорядков 1899 г. он «никаких заметных чувств симпатии к волновавшимся студентам не проявлял и от студенческих волнений держался в стороне» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 33). Однако вскоре вслед за этим наступили перемены, резкости и контрастности, которым нельзя не удивиться. Трудно сказать, что стало индикатором этого поворота. М.А. Рейснер не был героем, готовым открыто бросить вызов официозному окружению. Но, по всей видимости, именно в Томске для него настал период перелома. И если Л.П. Карсавин бросил вызов своим учителям, как отмечал А.В. Свешников, «в поисках собственной поколенческой научной идентификации» и в сознательном приближении к конфликту с «поколением “старых” профессоров» (*Свешников, 2009*), то М.А. Рейснер пошел на скрытую конфронтацию с политическим, идейным миром, ощущаемым им как «старый» и проходящий. Это был символический отказ от мира и бескомпромиссный, хотя и, если можно так выразиться, осторожный поворот от универсума, печать которого лежала на лицах попечителя Западно-Сибирского учебного округа, ректора Императорского Томского университета, министра народного просвещения и иже с ними, а также на лицах его коллег, подпиравших основы отживающего порядка. Косвенным подтверждением тому служат и воспоминания И.А. Малиновского, который признавался, что, несмотря на изначально «хорошие его отношения» с Михаилом Андреевичем, потом они безнадежно «испортились» (*Малиновский, 2014: 294*).

Быть может, свою роль здесь сыграли и зарубежные поездки, и осмысления зримо увиденной разницы между Россией и Европой. Отметим, что одним из результатов поездки профессора Рейснера за границу в 1901–1902 гг. стало его исследование «Самодержавие и общее благо», в котором ученый подверг критике основы абсолютизма как на Западе, так и в России (*Фоминных, 1996: 205*). Вернувшись в Сибирь, особенно ярко в своей провинциальной ауре воплотившей в себе «исконно

русское», он, вполне вероятно, и решил бросить вызов тому, чему нет места в свободном течении современности. В 1917 г. (еще до наступления революции) профессор прямо подтвердил эту трансформацию, отвечая со страниц газеты «Утро Сибири» известному сибирскому эсеру, историку революционного движения Е. Колосову, до того в своей статье «бросившего несколько едких замечаний» по его адресу, написав: «До Томского университета я стоял на точке зрения славянофильства в духе Киреевских и Хомякова. В Томском университете я стал под влиянием русской действительности только либералом» (Рейснер, 1917).

К тому времени, как Судаков выяснил неожиданные подробности конфликта, был опубликован на страницах петербургской юридической газеты «Право» и текст «Профессор-идеалист (Из лекции, сказанной на память П.С. Климентова 18 ноября 1902 г.)» за подписью М.А. Рейснера. И в данном, на этот раз без сомнений аутентичном, тексте вновь прозвучали мотивы отчуждения от действительности, которая в интерьерах Сибири, «темная и холодная», «одержала победу» над «светлой мыслью» и «горячим сердцем» П.С. Климентова. О настроении автора красноречиво свидетельствуют такие фразы, как «чистый дух пал жертвой русской действительности и сибирской природы» или «Климентов был выдающейся общественной силой, и много надежд, возлагавшихся на него, похоронено вместе с ним в холодной могиле..., надежд... в общем ходе обновления Руси и с далекой окраины». «Жизнь молодого ученого, – отмечалось в тексте лекции, – несомненно, не прекратилась бы так скоро, если бы не ужасные климатические условия Сибири, если бы не невозможность хоть на год уехать за границу, там поработать и полечиться...» (Рейснер, 1902с).

С. Чадов не поленился сравнить свой отчет и текст этой лекции из «Прав», но не нашел значительных отличий, за исключением вопроса о магистерских экзаменах в Московском университете (в «своем» варианте Рейснер значительно смягчил вопрос об их «формальности»), и отметил для себя «эту неожиданную разницу» (Чадов, 1903с).

Между тем В.П. Григоровский докладывал об участвовавших в собраниях студентов юридического факультета, на которых «предметом обсуждения было дело профессора Рейснера со студентом Чадовым» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 43). Сходки состоялись 21 и 22 января 1903 г., из-за чего сорвались лекции профессоров И.А. Малиновского и С.П. Мокринского. 23 и 24 января в сходках совокупно приняло участие 160 человек. В связи с этим было одобрено ранее поступившее предложение профессора М.Ф. Попова, исполняющего обязанности ректора, о передаче дела в дисциплинарный суд (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 54 об.). Состоявшийся в апреле в составе профессоров М.Г. Курлова, И.А. Малиновского (секретаря), И.Г. Табашникова, В.А. Уляницкого (судьи) и Е.С. Образцова (кандидата в судьи) суд принял решение «дело производством прекратить» (Приложение, 1903). В замешательстве тогда, по всей видимости, находились и сами студенты, которым приходилось выбирать между верностью своему любимцу и все более очевидной невинностью Чадова. Так, Григоровский в одном из своих донесений отмечал, что на очередной сходке 22 января по этому поводу студенты разделились: одни из них оправдывали профессора, а другие – Чадова, а потом и вовсе «постановили оставить их обоих в покое и впредь этого дела не возбуждать и для обсуждения его сходок не собирать» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 48).

Вокруг профессора М.А. Рейснера все более сужался круг противоречий. 29 января от имени управляющего Министерством народного просвещения С.М. Лукьянова ему был сделан выговор «за пропуск лекций без уважительных причин, позднее начало их чтения (7 октября)», за «изложение с кафедры не имеющего отношения к курсу и вообще неуместного, т.е. за образ действий, обличающий небрежное отношение к профессорским обязанностям, склонность по неподготовленности к лекциям уклоняться от чтения или говорить на них о посторонних предметах» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 58). Руководство Томского университета установило, что за период конфликта, т.е. в первом полугодии 1902–1903 учебного года, из 72 положенных лекций профессор Рейснер прочитал лишь 33. Подливали масла в огонь и отзывы упомянутого уже профессора по кафедре римского права И.Г. Табашникова о качестве подготовки студентов Рейснера по государственному праву. Табашников подчеркивал, что, «присутствуя на экзаменах после первого года чтения этой науки», он поразился «убогости» и «урезанности» этой трудной дисциплины в устах студентов, «изумительной невежественности и нелепости их ответов» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 35-35 об.).

В январе томский губернатор С.А. Вяземский вследствие поступившего ему из Министерства внутренних дел запроса заинтересовался «деятельностью в направлении профессора Томского университета М.А. Рейснера» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 51).

В следующем месяце последовал новый выговор за «столь же предосудительные в нравственном отношении, сколь несовместимые со служебным долгом» ложные заявления относительно текста своей первой лекции, напечатанной в «Сибирской жизни». 6 марта член Совета министров народного просвещения, тайный советник Н.И. Тавилдаров, находившийся в то время в Томске, «свидетельствуя свое совершенное почтение Михаилу Андреевичу», попросил последнего «пожаловать в четверг, 6 марта, в 2 часа дня в помещение канцелярии попечителя учебного округа по делам службы» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 74). Однако Рейснер на встречу не явился.

Наконец наступило 9 марта, с которого и началась наша история. В тот день к 2-м часам дня на станции «Межениновка» собралось всего 27 студентов. Это не было следствием снизившейся популярности профессора: просто в тот же день на здании 1-го общежития вывесили объявление о

том, что профессор уже уехал ночью. По всей видимости, кто-то хотел избежать шумихи вокруг отъезда опального ученого. Профессор простился со студентами, сказав им последнюю прощальную речь (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 77).

На причины столь неожиданного отъезда проливает свет его автобиография, в которой он признался, что спешил к С.М. Лукьянову для представления ему докладной записки, оправдывающей его (цит. по: Скибина 2015: 49). Несколько позднее на страницах журнала «Освобождение», издававшегося в Штутгарте (Германия), была опубликована анонимная заметка (вполне возможно, составленная не без участия М.А. Рейснера), посвященная конфликту. В ней профессор был представлен жертвой «весьма сгущенной атмосферы» Томского университета, где ректор Судаков – «доносчик и провокатор», а студенты, «опекаемые всемогущей инспекцией», находятся в «совершенно невозможном положении». Все обвинения в адрес Рейснера представлены ложью и доношением. Кстати, из того же материала следует, что в Петербурге Рейснер обратился к директору департамента полиции А.А. Лопухину, «объяснение с которым получило характер дебатов о свободе науки, причем каждый из собеседников остался при своем мнении». Отмечалось и то, что «краткая, но весьма выразительная аудиенция у Лукьянова прошла весьма скандально» (События, 1903: 401, 403). Одним словом, поездка не принесла желаемых результатов.

28 апреля 1903 г. А.И. Судаков подал на имя попечителя Западно-Сибирского учебного округа мотивированное ходатайство об увольнении профессора Рейснера от занимаемой им должности, в котором нашлось немало причин для этого. Не последнее место среди них занимали «неуважение и вражда со стороны Рейснера к установленному в России законному порядку вещей».

Судаков, в частности, подчеркнул: «С нравственной точки зрения деятельность профессора Рейснера по некоторым ее проявлениям должна быть признана несовместимой со служебным долгом и не согласной с достоинством члена университетской корпорации». Пройдет всего 15 лет, и эта корпорация объявит о своем приветствии и признании Февральской революции. Но пока в защиту «старого порядка», о котором не самым лицеприятным образом посмел отозваться М.А. Рейснер в своих лекциях, бросались и нравственность, и закон, и литературная этика, и провинциальное негодование.

Мировоззренческая эволюция М.А. Рейснера подтолкнула его к «правильному» выбору. Пробыв недолго в Петербурге и, в конце концов подав заявление об увольнении, он уехал в Германию, откуда получил предложение от Н.К. Михайловского сотрудничать в журнале «Русское богатство». Здесь он обращается к изучению марксизма, сближается с руководителями германской социал-демократии А. Бебелем и К. Либкнехтом, вступает в переписку с В.И. Лениным. В конце 1905 г. он вновь возвращается в Россию, где в Нарве организывает группу социал-демократов большевиков, затем вступает в РСДРП(б).

Корни этого «правильного» выбора уходят в томский период жизни и творчества профессора М.А. Рейснера. Тот мировоззренческий излом, который отметил его жизнь в этом отдаленном провинциальном университетском центре, стал одной из предпосылок конфликта, чьими соучастниками стали без преувеличений почти все жители «сибирских Афин».

В годы Первой мировой войны профессор, последовательно следуя своим политическим воззрениям, вместе с дочерью издавал журнал «Рудин», в котором пропагандировались антивоенные и социал-демократические взгляды. В январе 1914 г. и декабре 1916 г. он совершил поездки с лекциями по Сибири.

В некотором смысле рассмотренный конфликт как экстерналистский акт эхом отозвался на научной деятельности профессора. После 1917 г. он продолжил заниматься научным творчеством, развивая идеи пролетарского интуитивного права в виде «революционного правосознания», выступил одним из основателей Социалистической академии общественных наук. Октябрьская революция оправдала «символический отказ» Рейснера, который в 1902–1903 гг. стал истоком скандала в Императорском Томском университете.

5. Заключение

Исследованный конфликт, затронувший консервативное бытие старейшего сибирского университета, показывает, как психологическая трансформация отдельного члена корпоративного сообщества может пробудить десятки и сотни людей. Действия этого конфликта разворачивались в декорациях провинции, которая определила траектории его развития не меньше, чем одушевленные участники. На протяжении скандала вокруг фигуры профессора М.А. Рейснера, как мы убедились в ходе исследования, слухи и сплетни являлись сильными триггерами, определявшими его пути. Томск 1902–1903 гг. воплощал в себе модель «большой деревни», где ничего не скрыто и где каждый шаг сканируется в сознании обывателя. Отсюда вытекают и особенности исследованного противостояния, в котором никто не остался посторонним: студенты, профессорско-преподавательский состав местных вузов, попечитель, губернатор, министры, наконец, местные городские обыватели. Такова особенность провинциального города, ставшего пристанищем университетской культуры: в академическое конфликтное поле здесь включены все.

Любопытны в связи с этим размышления одного из его участников – М.И. Боголепова. В разгар «Рейснериады», как назвал все происходящее С. Чадов, он писал в местной газете: «Томская жизнь,

вероятно под влиянием морозов, притихла, сжалась. Одна только Дума, неинтересная и бедная, собирается и расходится, не задевая интересы обывателя. На таком сером фоне разыгрался конфликт, о котором так много говорят и будут еще долго говорить... Один студент из чужого университета говорил мне, что такие случаи немыслимы в других университетских городах» (Боголепов, 1903).

В заключение хотелось бы вспомнить о том, что в сентябре 1917 г. М.А. Рейснер, уволенный из Петроградского психо-неврологического института, обратился в Совет Томского университета с ходатайством об избрании его и.д. ординарного профессора. После обсуждения в совете юридического факультета, а затем на заседании совета университета его ходатайство было одобрено. В январе 1918 г. решение об избрании Рейснера было подтверждено отделом высших учебных заведений Наркомпроса РСФСР (ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 468. Л. 158, 160, 162, 169). Все же возвращение в университет в связи с политическими событиями в стране так и не состоялось. Отметим, что, памятуя о прошлом профессора в Томске, о его политической позиции, профессора медицинского факультета, традиционно в большинстве своем настроенные консервативно, высказались против его избрания. При Временном Сибирском правительстве было принято решение уволить профессора Рейснера как «не явившегося к месту служения в положенный законом срок» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 468. Л. 174).

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

Литература

Антощенко, 2012 – Антощенко А.В. Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде // Культура и интеллигенция России. Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций. Материалы VIII Всерос. науч. конф. с международным участием в рамках программы подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории (Омск, 16–18 октября 2012 г.). С. 31–33.

Баранец и др., 2012 – Баранец Н.Г., Вережкин А.Б., Л.Г. Савинова. О причинах научных конфликтов // Власть. 2012. № 4. С. 115–117.

Беляева, 2011 – Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 215–235.

Боголепов, 1903 – Боголепов М.И. Мелочи недели // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (далее – Сибирский вестник). Томск. 1903. 12 янв. № 9.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Гречищев, 2014 – Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.

Зарницын, 2014 – Зарницын Н. Дни юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 421–427.

Конфликты, 2013 – Конфликты в науке и философии / Под редакцией Н.Г. Баранец и Е.В. Кудряшовой. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2013. 254 с.

Логика, 1903 – Логика С. Чадова из «Сибирской жизни» // Сибирский вестник. 1903. 17 янв. № 13.

Малиновский, 2014 – Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.

Местная хроника, 1902 – Местная хроника // Сибирский вестник. 1902. 5 окт. № 214.

Новиков, 2013 – Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 18–31.

Приложение, 1903 – Приложение к журналу совета Императорского Томского университета 18 апреля 1903 г. за № 7 ст. 4 п.а. / Журналы заседаний совета Императорского Томского университета за 1903 г. // Известия Императорского Томского университета. 1909. Кн. 35. Томск, 1909. [12-ая пагин. С. 1–297].

Рейснер, 1902a – Первая лекция профессора М.А. Рейснера // Сибирский вестник. 1902. 10 окт. № 218.

Рейснер, 1902b – Рейснер М.А. Письмо в редакцию // Сибирская жизнь. Томск. 1902. 20 нояб. № 53.

Рейснер, 1902c – Рейснер М. Профессор-идеалист (Из лекции, сказанной на память П.С. Климентова 18 ноября 1902 г.) // Право. Еженедельная юридическая газета. СПб. 1902. 22 дек. № 52.

Рейснер, 1903a – Рейснер М.А. Письмо в редакцию // Сибирский вестник. 1903. 5 янв. № 4.

Рейснер, 1903b – Рейснер М. Письмо в редакцию // Сибирский вестник. 1903. 8 янв. № 5.

- Рейснер, 1917** – Рейснер М. Профессор Рейснер и Е. Колосов // *Утро Сибири*. Томск. 1917. 4 янв. № 3.
- Ростовцев, 2017** – Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
- Свешников, 2005** – Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // *Мир историка: историографический сборник* / Под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 228-258.
- Свешников, 2009** – Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*. № 96. 2009. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html> (дата обращения 17.04.2018).
- Скибина 2015** – Скибина О.А. Государственно-правовые взгляды М.А. Рейснера: дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2015. 222 л.
- События, 1903** – Томские университетские события // *Освобождение. Штутгарт*. 1903. № 22. С. 401-403.
- Степнов и др., 2018** – Степнов А.О., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Этика взаимоотношений в университетской корпорации г. Томска на примере конфликта на юридическом факультете Томского университета весной–летом 1917 г. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 180-191.
- Фоминых, 1996** – Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I. 1888–1917. Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1996. 288 с.
- Чадов, 1902** – Ч.С. Памяти проф. П.С. Климентова // *Сибирская жизнь*. 1902. 19 нояб. № 252.
- Чадов, 1903а** – Ч.С. Письмо в редакцию // *Сибирский вестник*. 1903. 8 янв. № 5.
- Чадов, 1903б** – Чадов С. Письмо в редакцию // *Сибирская жизнь*. 1903. 14 янв. № 16.
- Чадов, 1903с** – Чадов С. Где же правда? // *Сибирская жизнь*. 1903. 16 янв. № 12.
- Черказьянова, 2005** – Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет: сотрудничество и конфликты // *Вестник Томского государственного университета*. 2005. № 289 (декабрь): Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». С. 177-187.

References

- Antoshchenko, 2012** – Antoshchenko A.V. (2012). Universitetskij ustav 1863 g. i konflikty v professorskoj srede [University articles of association in 1863 and conflicts in the professorial environment] / *Kul'tura i intelligenciya Rossii. Lichnosti. Tvorchestvo. Intellektual'nye dialogi v ehpori politicheskikh modernizacij. Materialy VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii mezhdunarodnym uchastiemv ramkah programmy podgotovki k 300-letiyu Omskai prazdnovaniya yubileynyh sobytij rossijskoj istorii* (Omsk, 16–18 oktyabrya 2012 g.). pp. 31–33. [in Russian]
- Baranec i dr., 2012** – Baranec N.G., Verevkin A.B., Savinova L.G. (2012). O prichinah nauchnyh konfliktov [On the causes of scientific conflicts]. *Vlast'*. № 4. pp. 115–117. [in Russian]
- Belyaeva, 2011** – Belyaeva O.M. (2011). Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grimma: konflikty v professorskoj srede [Academic community of St. Petersburg University during the period of rector E.D. Grimm: Conflicts in the Professorial Environment]. *Dialog so vremenem*. Vyp. 34. pp. 215–235. [in Russian]
- Bogolepov, 1903** – Bogolepov M.I. (1903). Melochi nedeli [Little things of the week]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. Tomsk. № 9. 12 yanv. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State Archives of the Tomsk Region]
- Grechishchev, 2014** – Grechishchev K.M. (2014). Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of students at Tomsk University (before 1900)] / *Imperatorskij Tomskij universitet v vospominaniyah sovremennikov*. Sost. S.F. Fominyh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskij i dr. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. pp. 368–406. [in Russian]
- Zarnicyn, 2014** – Zarnicyn N. (2014). Dni yunosti [Days of Youth] // *Imperatorskij Tomskij universitet v vospominaniyah sovremennikov* / sost. S.F. Fominyh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskij i dr. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta. pp. 421–427. [in Russian]
- Konflikty, 2013** – Konflikty v nauke i filosofii [Conflicts in science and philosophy] / Pod redakciej N.G. Baranec i E.V. Kudryashovoj. Ul'yanovsk: Izdatel' Kachalin Aleksandr Vasil'evich, 2013. 254 p. [in Russian]
- Logika, 1903** – Logika S. (1903). Chadova iz «Sibirskoj zhizni» [The logic of S. Chadov from the „Siberian Life”]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 17 yanv. № 13. [in Russian]
- Malinovskij, 2014** – Malinovskij I.A. (2014). Marusya i deti. Vospominaniya [Marusya and the children. Memories] / *Imperatorskij Tomskij universitet v vospominaniyah sovremennikov* / sost. S.F. Fominyh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskij i dr. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014. pp. 286–340. [in Russian]
- Mestnaya hronika, 1902** – Mestnaya hronika [Local Chronicle]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 1902. 5 okt. № 214. [in Russian]

- Novikov, 2013** – Novikov M.V., Perfilova T.B. (2013). Universitetskij ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya [University articles of association of 1863: limits of academic self-government]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. № 4. T. 1 (Gumanitarnye nauki). pp. 18–31. [in Russian]
- Prilozhenie, 1903** – Prilozhenie k zhurnalu Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta 18 aprelya 1903 g. za № 7 st. 4 p.a. [The supplement to the journal of the Council of the Imperial Tomsk University on April 18, 1903, under No. 7 Art. 4 p.a.] / Zhurnaly zasedanij soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1903 g. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 1909. Kn. 35. Tomsk, 1909. [12-aya pagin. pp. 1-297]. [in Russian]
- Reisner, 1902a** – Pervaya lekciya professora M.A. Reisnera [The first lecture of Professor M.A. Reisner]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 1902. 10 okt. № 218. [in Russian]
- Reisner, 1902b** – Reisner M.A. (1920). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 1902. 20 noyab. № 253. [in Russian]
- Reisner, 1902c** – Reisner M. (1902). Professor-idealist (Iz lekci, skazannoj na pamyat' P.S. Klimentova 18 noyabrya 1902 g.) [Professor-idealist (From a lecture, said on the memory of P.S. Klimentov November 18, 1902)]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. S. Petersburg. 22 dek. № 52. [in Russian]
- Reisner, 1903a** – Reisner M.A. (1903). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 5 yanv. № 4. [in Russian]
- Reisner, 1903b** – Reisner M. (1903). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskij vestnik politiki, literatury i obshchestvennoj zhizni*. 8 yanv. № 5. [in Russian]
- Reisner, 1917** – Reisner M. (1917). Professor Reisner i E. Kolosov [Professor Reisner and E. Kolosov]. *Utro Sibiri*. Tomsk. 4 yanv. № 3. [in Russian]
- Rostovcev, 2017** – Rostovcev E.A. (2017). Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Metropolitan University of the Russian Empire: the academic estate, society and power (second half of the XIX – early XX century)]. M.: ROSSPEHN. 903 p. [in Russian]
- Sveshnikov, 2005** – Sveshnikov A.V. (2005). «Vot vam istoriya nashej istorii». K probleme tipologii nauchnyh skandalov vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. ["Here is the history of our history". To the problem of the typology of scientific scandals of the second half of the XIX – early XX century] / Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / pod red. V.P. Korzun, G.K. Sadretdinova. Vyp. 1. Omsk: Izd-vo OmGU. pp. 228–258. [in Russian]
- Sveshnikov, 2009** – Sveshnikov A.V. (2009). Kak possorilsya Lev Platonovich s Ivanom Mihajlovichem (istoriya odnogo professorskogo konflikta) [How did Lev Platonovich quarrel with Ivan Mikhailovich (the history of a professor's conflict)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 96. 2009. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html> (data obrashcheniya 17.04.2018). [In Russian]
- Skibina, 2015** – Skibina O.A. (2015). Gosudarstvenno-pravovye vzglyady M.A. Rejsnera [State-legal views of M.A. Reisner]: dis. ... kand. jur. nauk. Belgorod. 222 p. [in Russian]
- Sobytiya, 1903** – Tomskie universitetskie sobytiya [Tomsk University Events]. *Osvobozhdenie*. 1903. № 22. pp. 401–403. [in Russian]
- Stepnov i dr., 2018** – Stepnov A.O., Nekrylov S.A., Fominyh S.F. (2018). Etika vzaimootnoshenij v universitetskoj korporacii g. Tomsk na primere konflikta na yuridicheskom fakul'tete Tomskogo universiteta vesnoj–letom 1917 g. [The ethic Of relationships in the University corporation of Tomsk: A case study of the conflict at the Faculty of Law of Tomsk University during the spring and summer of 1917]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 426. pp. 180–191. [in Russian]
- Fominyh, 1996** – Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskij slovar' [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vyp. I. 1888–1917. Otv. red. S.F. Fominyh. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta. 1996. 288 p. [in Russian]
- Chadov, 1902** – Chadov S. (1902). Pamyati prof. P.S. Klimentova [On the memory of P.S. Klimentov]. *Sibirskaya zhizn'*. 19 noyab. № 252. [in Russian]
- Chadov, 1903a** – Chadov S. (1903). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskij vestnik*. 8 yanv. № 5. [in Russian]
- Chadov, 1903b** – Chadov S. (1903). Pis'mo v redakciyu [Letter to the Editor]. *Sibirskaya zhizn'*. 14 yanv. № 16. [in Russian]
- Chadov, 1903c** – Chadov S. (1903). Gde zhe pravda? [Where is the truth?]. *Sibirskaya zhizn'*. 16 yanv. № 12. [in Russian]
- Cherkaz'yanova, 2005** – Cherkaz'yanova I.V. (2005). Popechitel' uchebnogo okruga L.I. Lavrent'ev i Tomskij universitet: sotrudnichestvo i konflikty. [Trustee of the Educational District L.I. Lavrentiev and Tomsk University: Cooperation and Conflicts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 289 (dekabr'): Seriya «Istoriya. Kraevedenie. Etnologiya. Arheologiya». pp. 177–187. [in Russian]

**М.А. Рейснер и провинциальный аспект академических конфликтов
в сообществе Императорского Томского университета**

Сергей Федорович Фоминых ^{а, *}, Алексей Олегович Степнов ^а

^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах служебной переписки, периодической печати, источников личного происхождения исследуется конфликт, возникший в 1902–1903 гг. в Императорском Томском университете в связи с деятельностью профессора М.А. Рейснера. Концептуальная основа статьи выстроена вокруг специфики академических скандалов в провинциальной среде.

Подчеркивается, что базовой предпосылкой для возникновения конфликтной ситуации стала мировоззренческая трансформация М.А. Рейснера, в будущем одного из авторов первой советской конституции 1918 года. Воспоминания студентов и коллег профессора, архивные документы, речь Рейснера проливают свет на траекторию этой трансформации.

Две скандальные лекции, прочитанные Рейснером осенью 1902 г. и обнародованные в местной газете, стали началом конфликта. В его развитие было организовано корпоративное разбирательство, которое возглавил ректор А.И. Судаков. Развернулась газетная полемика между М.А. Рейснером и студентом-юристом С. Чадовым, обвиненным во лжи в связи с публикацией в местной газете отчета о лекции профессора, посвященной памяти профессора П.С. Климентова. Противоречивая позиция самого Рейснера, не желавшего идти на прямую конфронтацию с руководством университета и чиновниками, привела к ряду выговоров и в конечном итоге – предложению подать прошение об увольнении.

Делается вывод, что исследуемый конфликт проясняет вопрос о провинциальном аспекте академических скандалов. Развитие конфликтов в контексте «большой деревни» не приводит к их герметизации в пределах университетского дискурса, а, напротив, расширяет последний до широких коммунитарных масштабов, и потому участниками академического конфликта в провинции становятся все: студенты и профессора, чиновники и местные городские обыватели.

Ключевые слова: Томск, университет, конфликт, М.А. Рейснер, провинция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergei.fominyh1940@mail.ru (С.Ф. Фоминых),
ASAOM@yandex.ru (А.О. Степнов)